УТВЕРЖДАЮ
Заместитель директора по научной работе
Института государства и права РАН
доктор юридических наук
_____С. В. Маликов
«8» сентября 2026 года

Отзыв

ведущей организации на диссертацию Дмитрия Константиновича Бокова на тему «Уголовно-правовое воздействие на инфраструктуру терроризма: проблемы теории и практики», представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Диссертация Д. К. Бокова посвящена исследованию теоретических и прикладных, в том числе законодательных, проблем уголовно-правового противодействия преступлениям, которые автором объединены под общим названием «инфраструктура терроризма».

Актуальность темы работы не вызывает сомнений. В целом она убедительно представлена во введении диссертации. В частности, обоснованно указывается на имеющуюся потребность в разработке новых социально приемлемых, научно обоснованных уголовно-правовых мер и повышении эффективности существующих контртеррористических средств уголовного права. Следует заметить, что эта проблема присуща не только России, она в той же мере (или даже более) затрагивает и ряд зарубежных стран. Другими словами, вопросы противодействия терроризму и иным преступлениям, в том числе предикатным терроризму, актуальны для всего мирового сообщества. Об этом свидетельствуют принятые в последние десятилетия международно-правовые акты (Международная конвенция о борьбе с бомбовым террориз-

мом 1997 г.; Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г.; Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г.; Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г.; Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма 2009 г. и др.). Кроме того, Советом Безопасности ООН приняты ряд дополнительных протоколов к действующим конвенциям и резолюций, в которых не только выражена озабоченность состоянием противодействия терроризму, но и зафиксированы предложения, адресованные государствам – участникам соответствующих соглашений.

Несмотря на наличие исследований терроризма как социально правового явления, террористического акта как преступления и связанных с ними предикатных преступлений, в науке уголовного права отсутствует единое целостное учение об «уголовно-правовом воздействии на инфраструктуру терроризма». Данное обстоятельство обусловливает важность, значимость и своевременность разработки заявленной темы докторской диссертации.

Структура работы в целом логична и последовательна, выделенные аспекты позволяют обеспечить необходимый круг вопросов для решения поставленных задач и рассмотреть во взаимосвязи, что обеспечивает их системный анализ, заявленный автором.

Вместе с тем следует отметить недостаточно корректное наименование некоторых разделов, глав и параграфов. Так, раздел 1, судя по названию, должен предусматривать теоретико-методологические основы воздействия на инфраструктуру терроризма, однако методологические основы не выделены, но зато включены инструменты уголовно-правового воздействия, которые безусловно ни к теории, ни к методологии отношения не имеют. Кроме того, в названии главы 3 использовано не присущее уголовно-правовой науке и уголовному законодательству словосочетание «инструменты уголовно-правового воздействия». Но главное даже не в этом, а в том, что практически невозможно уяснить, какой смысл заложен в него.

Некоторые параграфы ряда глав работы обозначены как «уголовная ответственность за…». Между тем очевидно: уголовная ответственность, будучи сложным социально-правовым явлением, охватывает в том числе наказание и судимость (при полном развитии уголовно-правовых отношений). Однако эти институты уголовного права в указанных структурных частях работы не представлены.

В 2014 г. специальным приказом Минобрнауки РФ из структуры введения диссертации *исключены* объект и предмет исследования (п. 30 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, соискание ученой степени доктора наук от 10 ноября 2017 г. № 1093, в ред. от 14 декабря 2023 г.), в работе же они сформулированы. Вопрос, разумеется, не сводится к простой констатации данного обстоятельства, а относится к их содержанию.

Первый из них представлен следующим образом: «**Объектом диссертационного исследования** выступили общественные отношения, возникающие в рамках уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма» (стр. 8 дисс.). Как известно, общественные отношения, во-первых, возникают по поводу чего-то (потребностей, интересов, ценностей, власти, статусно-ролевых позиций и т. д.), но никак не в рамках чего-то (они могут существовать в них). Во-вторых, приведенная формулировка не позволяет выявить сущность общественных отношений, подвергшихся исследованию.

Предмет, по общему признанию, это то, что исследуется в объекте или в отношении объекта. В диссертации он определен как «инфраструктура терроризма, ее сущность, функции, структурное строение (плеоназм, структура и есть строение. – *А. Ч.*), теоретические основы, инструменты и основные направления уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма» (стр. 9 дисс.). Нетрудно заметить, что характеристики объекта и предмета исследования не в полной мере сопрягаются между собой.

Цель и задачи исследования, на наш взгляд, в целом определены верно; единственное, на что можно обратить внимание: автор сузил характеристику

цели работы, не включил в нее совершенствование уголовного законодательства, хотя, надо заметить, определил подобного рода задачу (стр. 8 дисс.), разработал и аргументировал соответствующие предложения de lege ferenda (см. стр. 435–437 дисс.).

Теоретическая и практическая значимость диссертации, вытекающая в том числе из актуальности темы исследования, представляется бесспорной.

Теоретическое значение работы многогранно: во-первых, она развивает и углубляет как в целом учение об уголовно-правовом противодействии терроризму и предикатным ему преступлениям, так и уточняет характеристику ряда признаков соответствующих составов преступлений; во-вторых, содержит целостную концепцию деяний, предшествующих террористическому акту (теоретическое обоснование социальной обусловленности их криминализации, объединение в единую группу преступлений, выявление системообразующих связей и на этой основе разработка моделей уголовно-правовых норм). В-третьих, диссертация в определенной мере обеспечивает дальнейшее развитие уголовно-правовой мысли относительно сущности соучастия в преступлении, неоконченного преступления.

Кроме того, в работе затронут и, на наш взгляд, удачно решен ряд вопросов, относящихся к учению о преступлениях против общественной безопасности, соотношении деяний, посягающих на общественную безопасность, с деяниями против жизни и здоровья, собственности, а также общей теории квалификации преступлений.

Базируясь на принципах системного анализа и конституционного правопонимания (об этом, в частности, свидетельствует анализ правовых позиций Конституционного Суда РФ, отраженных в его постановлениях и определениях) исследование формирует систему теоретических положений, последовательное развитие и воплощение которых призвано гарантировать эффективность уголовного права при обеспечении реализации всех без исключения базовых положений уголовного законодательства.

Практическая значимость исследования предопределена анализом проблем прикладного характера, с которым сталкивается правоприменительная практика при юридической оценке деяний, предшествующих террористическому акту или обусловленных последним. Кроме того, как уже указывалось, автором представлены модели уголовно-правовых норм, которые могут быть учтены законодателем в законотворческой деятельности для оптимизации действующего механизма уголовно-правового регулирования. Предложенные авторские трактовки признаков ряда составов преступлений представляют интерес для Пленума Верховного Суда РФ, в том числе в целях дополнения и изменения постановления от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

Диссертацию целесообразно использовать в учебном процессе в юридических вузах и на юридических факультетах университетов, а также на курсах повышения квалификации судей, прокуроров, адвокатов, сотрудников органов ФСБ и МВД России.

Достоверность и обоснованность выводов, представленных в работе, обеспечивается современными, надежными и непротиворечивыми методологическими позициями автора; опорой на принципы диалектического познания мира; правильным использованием многократно доказавших свою эффективность различных методов научного анализа, адекватных решению поставленных исследовательских задач, репрезентативностью эмпирической базы, включающей разносторонний комплекс источников первичной научной информации; возможностью верификации полученных результатов с иными независимыми источниками по теме исследования; внутренней непротиворечивостью и логической завершенностью разработанной концепции; положительным эффектом от внедрения результатов исследования в правоприменительную, учебно-методическую и научно-исследовательскую практику (см. акты внедрения материалов диссертации в деятельность Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры РФ и образовательную дея-

тельность Университета прокуратуры Российской Федерации, публикации основных положений исследования как в России, так и за рубежом).

Эмпирические данные, положенные в основу работы, включают: справочно-аналитические и рекомендательные материалы международных контртеррористических структур по вопросам противодействия терроризму; данные, полученные по результатам изучения обзоров судебной практики Верховного Суда РФ за 1997–2025 гг.; результаты обобщения судебной практики по 500 уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 205–205^5 УК РФ; данные анкетирования, проведенного в 2025–2026 гг., 56 научно-педагогических работников и 136 юристов-практиков, в том числе 76 судей, 45 прокуроров и других респондентов; статистические данные о зарегистрированных преступлениях, предусмотренных ст. 205–205^5, 208 и 209 УК РФ, и лицах, осужденных за их совершение в 1997–2025 гг. Кроме того, использованы данные, полученные другими исследователями, в том числе и зарубежными, учтен личный опыт работы в органах прокуратуры России.

Эмпирический материал корректно интерпретирован, представлен в виде таблиц в приложениях к диссертации. Конкретные уголовные дела использованы в качестве иллюстраций к теоретическим положениям, изложенным в работе.

Теоретическая основа диссертации охватывает более 400 источников различного вида научной литературы: монографии, диссертации, авторефераты, статьи, тезисы в сборниках конференций, причем не только российских, но и зарубежных авторов. Указанные компендиумы относятся к различным аспектам исследуемой темы: теоретико-методологическим, теории ряда уголовно-правовых институтов, в частности преступления, неоконченной преступной деятельности и соучастия, уголовной ответственности и ее дифференциации, криминологической характеристики преступлений террористической направленности, синхронной компаративистики и др. Таким образом, диссертация основана на широком круге научных источников, что положительно сказалось на глубине анализа проблем уголовного правового воздей-

ствия на преступления, являющиеся предикатными по отношению к террористическому акту. Признавая достоинства плюрализма мнений в науке и научной дискуссии, корректно вступая в полемику с представителями различных позиций, автор, как нам представляется, последовательно придерживается системного подхода к анализу интегрированных в рассматриваемую группу преступлений.

Научная новизна диссертации является бесспорной, непосредственно выражена в теоретических положениях, формирующих целостное, непротиворечивое учение о видах предикатных террористическому акту деяний, их системных связях как между собой, так и с террористическим актом, социальной обусловленности их криминализации и пенализации, об их превентивной роли в противодействии преступлениям террористического характера. В частности, научной новизной обладают:

1) разработанная автором концепция уголовно-правового противодействия преступлениям, составляющим инфраструктуру терроризма;

2) определение гносеологического значения, в том числе так называемого объяснительного потенциала, концепта «инфраструктура терроризма»;

3) выявленная функциональная связь террористического акта и предикатных преступлений, образующих инфраструктуру терроризма;

4) выделенные элементы инфраструктуры терроризма и их характеристика;

5) сформированные теоретические основы уголовно-правового противодействия предикатным террористическому акту преступлениям;

6) предложенные модели уголовно-правовых норм о об указанных преступлениях;

7) уточненные и углубленные характеристики признаков ряда составов преступлений, входящих в анализируемую автором группу деяний;

8) сформулированные алгоритмы квалификации преступных деяний террористической направленности, их отграничения от смежных или сходных деяний и др.

В обобщенном виде научная новизна выражена в *положениях, выносимых на защиту*, которые в целом заслуживают одобрения и поддержки, вытекают из проведенного исследования.

Высоко оценивая теоретический уровень работы Д. К. Бокова, необходимо заметить, что некоторые положения, обусловленные в первую очередь дискуссионным характером рассматриваемых в диссертации проблем, на наш взгляд, требуют дополнительного обсуждения на защите. Так:

1) автор исходит из того, что в ст. 205^1, 205^2, ч. 1 ст. 208 УК РФ (в части ответственности за финансирование незаконного вооруженного формирования) отражено соучастие sue generis (положение 5, выносимое на защиту, и др.). Это утверждение вызывает сомнение по ряду обстоятельств (сказанное в полной мере относится и к позиции соискателя к оценке запретов, признаваемых им sue generis приготовления к преступлению и покушения на преступление – ст. 205^3, 205^4, 205^5, 208 УК РФ). Дело в том, что в Особенной части УК РФ нормы содержат описание *оконченных* преступлений, совершаемых *одним исполнителем.* Внешнее их сходство с соучастием и неоконченным преступлением не превращает их в соучастие, приготовление и покушение sue generis. Все указанные преступления имеют самостоятельные составы, содержащие криминообразующие признаки, характеризующие соответствующие общественно опасные деяния, образующие отдельную, выделяемую в диссертации группу посягательств.

Признание наличия в Особенной части УК РФ норм, содержащих соучастие или неоконченное преступление sue generis, логически приводит (может привести) к парадоксальной ситуации, неизвестной теории уголовного права, соучастие в соучастии, приготовление к приготовлению, покушение на покушение при совершении деяния соучастниками (организаторами, подстрекателями, пособниками) или незавершенности деяния.

Самостоятельный характер составов преступлений, предусмотренных ст. 205^3, 205^4, 205^5, 208 УК РФ, снимет вопрос о санкциях этих статей; их

оценка исходя из правил о назначении наказания за неоконченное преступление является некорректным.

Определение правовой природы указанных деяний, разумеется, не снимает вопрос о социальной обусловленности их криминализации, об оптимальном наборе криминообразующих признаков, системном характере соответствующих норм, их соотношении с иными нормами УК РФ и других аспектах, относящихся к законодательной технике и в целом к качеству уголовно-правового регулирования;

2) в работе ставится под сомнение целесообразность выделения такого квалифицирующего признака публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма, как использование средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» (положение 13, вынесенное на защиту). В качестве доказательств этого автор приводит два довода: повышение степени общественной опасности при наличии указанного обстоятельства не очевидна; применение квалицированного состава преступления происходит чаще, чем основного. Исходя из этого предлагается отказаться от дифференциации уголовной ответственности за данное деяние.

Как нам представляется, вывод об отсутствии степени опасности, необходимой для квалицированного состава преступления, умозрителен, каких-либо убедительных, верифицируемых доводов в работе не приводится. Преобладание в статистике преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205^2 УК РФ, может быть обусловлено рядом причин, в том числе относящихся к его раскрытию и доказыванию вины.

Модель нормы не представлена в диссертации, что не позволяет ответить на ряд других вопросов, в первую очередь относящихся к сохранению уголовной ответственности за деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 205^2 УК РФ;

3) соискатель составы преступлений, предусмотренных ст. 205^4 и 205^5 УК, предлагает объединить «в рамках одного состава с альтернативными

признаками». Однако предложенная модель уголовно-правовой нормы, отраженной в проекте ст. 205^4 УК РФ, по сути ничего не меняет, а с точки зрения законодательной техники усложняет характеристику составов преступлений, поскольку в нашем представлении деяние в виде «организации деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической», выступает не альтернативным признаком состава организации террористического сообщества, а самостоятельным составом, отличающимся от перового по ряду признаков. В частности, это преступление является двуобъектным, вторым непосредственным объектом выступает обязательность судебного акта на территории РФ, чего нет в первом случае. Обстановка совершения преступления иная, чем при совершении преступления, предусмотренного действующей редакцией ст. 205^4 УК РФ. Наконец, отличается содержание вины, интеллектуальный момент которой должен охватывать осознание того, что по решению суда организация признана террористической;

4) представляется дискуссионным определение момента окончания преступления, выражающееся в вовлечении лица в совершение преступления террористической направленности и финансировании терроризма (ст. 205^1 УК РФ). Как известно, в теории уголовного права сущность этих деяний трактуется по-разному: одни воспринимают их в качестве процесса, другие – в качестве последствия этого процесса. В. Н. Кудрявцев видел в них результативное действие (т.е. как отражающих процесс и его последствия).

Автор поддерживают мнение ученых, согласно которому преступление при финансировании терроризма признается оконченным с момента передачи соответствующих средств или материальных ценностей. Пленум Верховного Суда РФ не дал толкования рассматриваемого вопроса.

Правильное решение проблемы, как нам представляется, в том числе обусловлено правовой природой финансирования терроризма, имеющего сложный фактический характер, предполагающий двустороннюю связь обеспечивающего финансирование и его адресата. Об этом свидетельствует и ис-

тория использования термина в уголовном законодательстве РФ; как известно, вначале законодатель рассматривал его как разновидность соучастия в преступлении.

Следовательно, в этом случае логично предположить, что при финансировании терроризма преступление следует признавать оконченным, когда осведомленное о предназначении предоставляемых средств или материальных ценностей для террористической деятельности фактически получает хотя бы их часть.

Небезынтересным представляется позиция автора об оценке в современной судебной и следственной практике подобных деяний как государственная измена.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» рекомендовал (п.14) признавать вовлечение, предусмотренное ч. 1 ст. 205^1 УК РФ, оконченным преступлением с момента совершения деяния, независимо от того, совершил ли вовлекаемый какое-либо преступление террористической направленности.

Диссертант согласился с позицией Пленума Верховного Суда РФ, не дав критической оценки такого подхода, не усмотрев непоследовательности в толковании одного и того же деяния, указанного в разных статьях УК РФ. Так, применительно к ст. 150 УК РФ, где также говорится о вовлечении в совершение преступления, Пленум Верховного Суда РФ считает, что оно окончено с момента совершения преступления, приготовления к преступлению или покушения на преступление (п. 44 постановления от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»).

Кроме того, исходя из позиции соискателя трудно понять, в чем в таком случае выражается общественная опасность, какой вред (угроза вреда) причиняется объекту уголовно-правовой охраны;

5) в целом работа написана хорошим литературным языком, в этой связи вызывает недоумение использование некорректных словосочетаний (например, «соучастные преступления», «прямоумышленные преступления», «квалификационная зависимость», «в конечном итоге» и др.), непринятых в юридической научной литературе терминов (например, «триггер» – спусковой крючок), необоснованная подмена одних понятий другими (например, вместо науки говорится о доктрине) и др.

Высказанные замечания не снижают высокой положительной оценки проведенного Д. К. Боковым исследования, отражают дискуссионный характер многих теоретических положений учения о противодействии террористическим актам и связанными с ними предикатными преступлениями, служат дальнейшему развитию научной полемики по актуальным вопросам уголовного права, способствуя тем самым приращению научного знания.

Автореферат соответствует диссертации и отражает ее основные положения.

Работа прошла надлежащую *апробацию*.

Таким образом, диссертация Дмитрия Константиновича Бокова на тему «Уголовно-правовое воздействие на инфраструктуру терроризма: проблемы теории и практики» является научно-квалификационной работой, отличающейся научной новизной, в которой разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, имеющее важное теоретическое и практическое значение для науки уголовного права, уголовного законодательства и практики его применения, отвечает критериям, установленным п. 9–14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 18 июля 2026 г.), соответствует специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки (юридические науки), а ее автор – Дмитрий Константинович Боков – заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук.

Отзыв подготовлен заведующим сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук доктором юридических наук, профессором, заслуженным деятелем науки РФ А. И. Чучаевым (специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право).

Отзыв обсужден на заседании сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук 7 сентября 2026 г. и утвержден единогласно (протокол от 7 сентября 2026 г. № 4).

Заведующий сектором уголовного права,
уголовного процесса и криминологии,
доктор юридических наук, профессор А. И. Чучаев

Подпись Александра Ивановича Чучаева заверяю:

Ведущий специалист отдела кадров Праздникова Т. М.

ФГБУН Институт государства и права Российской академии наук
119 019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.
Телефон + 7 (495) 691-33-81
e-mail: igpran@igpran.ru